

УДК 72.036(476.5)+94(476.5)

Архитектура и градостроительство в культуре Витебщины в послеоктябрьский период: к проблеме становления и развития

Русецкий А. В., Русецкий Ю. А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова», Витебск

Комплексное и системное изучение искусства архитектуры и градостроительства послеоктябрьской Витебщины как части ее художественной культуры белорусскими исследователями практически не велось. Имеющиеся публикации, как правило, посвящены общеполитическим архитектурно-градостроительным проблемам, а региональное развитие материально организованной среды, формирующей «архитектурную карту», необходимую для проживания людей, даже в таких крупных территориях, как Витебское Поозерье, Подвинье и Верхнее Поднепровье, не изучалось. Процессы формирования художественно-материальной среды характеризовались в контексте общих проблем.

Данная статья посвящена анализу социально-идеологических и эстетических предпосылок формирования искусства архитектуры и

градостроительства в Витебском регионе в 1920-1930-е гг.

Ключевые слова: художественная культура, архитектура, градостроительство, художественная политика партийных и советских органов.

(Искусство и культура. — 2013. — № 1(9). — С. 61-68)

Architecture and city construction in the culture of Vitebsk region in the post October period: to the issue of establishment and development

Rusetski A. V., Rusetski Yu. A.

VEducational establishment «Vitebsk State University named after P. M. Masherov», Vitebsk

Complex and system study of the art of architecture and city construction of post October Vitebsk region, as a part of its artistic culture, practically was not conducted by Belarusian researchers. The available publications are, as a rule, devoted to general Belarusian architectural and city construction issues, while regional development of materially set up environment, which makes up «architectural map», necessary for people's accommodation even in such big areas as Vitebsk Lake District (Poozerie), the Dvina River and the upper Dniپر River areas, was not studied. Processes of the formation of artistic and material environment were characterized in the context of general issues.

The article is devoted to the analysis of socially ideological as well as aesthetic prerequisites for the formation of the art of architecture and city construction in Vitebsk region in the 1920-1930-ies.

Key words: artistic culture, architecture, city construction, art policy of the Party and Soviet bodies .

(Art and Culture. — 2013. — № 1(9). — P. 61-68)

Адрес для корреспонденции: 210026, г. Витебск, ул. Садовая, д. 11, кв. 21– А. В. Русецкий

Целостное знание о художественной культуре Витебщины (Поозерье, Подвинье и Верхнее Поднепровье) невозможно без изучения такой ее составной части, как искусство архитектуры и градостроительства. Проблема очевидная, до последнего времени она выпадала из поля зрения исследователей. Цель нашей публикации – восполнение этого пробела и ознакомление читателя с целенаправленной работой Советского государства по созданию новой архитектурно-эстетической среды.

Начальные шаги. Обращение современных исследователей к истокам поисков и решений в архитектурно-градостроительной среде как одному из направлений советской художественной культуры непременно приводит их к двум декретам Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), принятым 19 февраля и 20 августа 1918 г. Если первый декрет отменял частную собственность «на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Федеративной Советской Республики»¹, то во втором, о границах городских поселений, отменялась частная собственность на все участки, застроенные и незастроенные, принадлежащие как частным лицам и промышленным предприятиям, так и ведомствам и учреждениям. Кроме того, в городах с населением более 10 тыс. человек отменялись права собственников владений, если доход от этих строений был выше предела, «установленного органами местной власти» [1].

Начинания ВЦИК были поддержаны партийным руководством. К примеру, в принятой VIII съездом партии в марте 1919 г. программе РКП(б) записано: «Стремясь к разрешению жилищного вопроса, особенно

¹ Витебская губерния с 7 ноября 1917 г. входила в состав Западной области РСФСР, в январе–феврале 1919 г. в БССР, затем в РСФСР. В связи с образованием Гомельской губернии (апрель 1919 г.) в Витебскую губернию переданы Сенненский уезд Могилевской губернии (июль 1919 г.) и Оршанский уезд Гомельской губернии (ноябрь 1920 г.). По мирному договору РСФСР с Латвией от 11.08.1920 г. Двинский, Люцинский и Режицкий уезды отошли к Латвии. В феврале 1923 г., в связи с укрупнением уездов, упразднены Городокский, Дриссенский и Сенненский уезды; Лепельский уезд переименован в Бочейковский. 10 марта 1924 г. в связи с первым укрупнением БССР Витебская губерния упразднена. Оршанский, Бочейковский, Витебский, Полоцкий уезды вошли в состав БССР, Велижский, Невельский, Себежский – в Псковскую губернию РСФСР. 17 июля 1924 г., после передачи Витебской губернии в состав БССР, создана новая административно-территориальная единица – Витебский округ центром в г. Витебске. Был упразднен 26 июля 1930 г.

обостренного в период войны, Советская власть экспроприировала полностью все дома капиталистических домовладельцев и передала их городским Советам; произвела массовое вселение рабочих из окраин в буржуазные дома; передала лучшие из них рабочим организациям, приняв содержание этих зданий на счет государства; приступила к обеспечению рабочих семей мебелью и т. п.».

По сути, в этих решениях были сформулированы задачи новой градостроительной политики, призванной не только занять важное место в системе социального управления общественной жизнью страны в аспекте ее пространственной организации, но и определить конкретные меры по ликвидации скученности и антисанитарии старых городских кварталов и негодного к проживанию жилья, перестройке старых и постройке новых домов, соответствующих требованиям социалистического общежития.

Отметим, что в Белоруссии в границах действия декрета ВЦИК к 1924 г. было муниципализировано почти пять тысяч домовладений общей площадью 1365 тыс. квадратных метров (рис. 1).

Здесь сделаем отступление и отметим, что пути развития видов и жанров нового советского искусства во многом были непонятными, часто непредсказуемыми (вспомним метания литераторов – «ЛеФ», «Серапионовы братья» и др. в России, «Маладняк» – в Белоруссии – и трагические судьбы лидеров молодой советской поэзии С. Есенина и Вл. Маяковского). Постоянные конфликты (пусть и на местном уровне) между двумя великими мастерами М. Шагалом и К. Малевичем и т. п. Пожалуй, больше других такая ситуация затронула искусство архитектуры, над которым десятками веков довлело «величие греческой и римской архитектуры», подавлявшего «творческое начало народов» и державшее «в величайшем рабстве художественную интуицию всех народов».

Как заявил на собрании московских зодчих известный в России архитектор И. А. Голосов, решать проблемы будет сложно, «ибо нет пока необходимого кадра идейных работников для создания новой, по иному принципу построенной, академии» [2] (советской, в противовес классическому греко-римскому архитектурному стилю. – А. Р., Ю. Р.).

Рис. 1. Бывший доходный дом по ул. Чехова.
В 1918 г. передан для организации жилища
трудящихся.

И вот в этих, совершенно новых для деятелей искусства условиях приходилось предлагать, спорить, доказывать. Казалось, архитекторы России, в том числе и ведущие, внутренне понимали, что психология творчества в области архитектуры зависит от государственного устройства общества и «всегда есть функция от общей культуры эпохи». Казалось, все понимали, что создатели художественных комплексов не могут быть в стороне от зависимости как от личного самосознания, так и от состояния общественного самосознания трудящихся. Поэтому не может быть создания архитектурно-художественных комплексов и отдельных сооружений, не отражающих в себе начал и требований нового общественного строя – необходимо многостороннее комплексное обоснование принятия архитектурных решений.

Вот один из принципов архитектурного искусства, предлагавшийся для утверждения в новой художественной практике: «Сооружение, в котором запечатлено прекрасное не ради прекрасного, но которое вытекает как следствие жизненного уклада народа, есть то средство, которым пользуется общественный Разум и отражает свои могучие этапы, – такое сооружение есть произведение истинного искусства» [2].

Грандиозные преобразования, охватившие Советскую Россию, требовали от архитекторов, проектантов, градостроителей творческих предложений, выполняющих назначение архитектуры в новых условиях. Речь шла о разработке таких регламентирующих документов, которые, **во-первых**, упорядочивали бы внешний вид улиц (вы-

сказывалось мнение, что сложившаяся манера сплошной застройки плоскими многоэтажными домами является крайне неэстетичной) и застройки участков; **во-вторых**, предусматривали охрану и воспроизводство растительности и природной красоты; **в-третьих**, определяли меры по развитию строительного производства, его структуры и темпов, потребности в трудовых ресурсах и материально-сырьевой базе и т. д.; наконец, **в-четвертых**, решали бы организационные вопросы, как, например, создание в местных органах власти особых отделов по вопросам охраны памятников старины и выдающихся по архитектуре зданий. Предлагались и другие меры, позволяющие изменить эстетику советских городов, повысить роль архитектуры как фактора социального управления. Вот лишь некоторые из них, сохранившие, на наш взгляд, свое значение и в XXI столетии:

- запрещалась установка глухих сплошных заборов на главных улицах, а уже эксплуатируемые должны быть заменены решетчатыми и обсаживаться зеленью. Сплошные заборы могли устанавливаться лишь внутри участка, при этом перед ними следовало устраивать зеленые насаждения, посадку вьющихся растений и т. п.;

- запрещалась самовольная вырубка деревьев и даже срубка отдельных из них (что вело к потерям, которые могли быть возмещены лишь в течение нескольких десятков лет!). Любая вырубка должна быть обусловлена специальными решениями, так же, как и ответственность за сохранение всякой растительности теми организациями и лицами, которые ею пользуются;

- предлагалось оберегать от застройки все те пункты города, которые отличаются естественной красотой и должны формировать красивые панорамы и виды на городское пространство;

- высказывалось требование к местным органам власти о необходимости охраны памятников древней архитектуры и даже их остатков, оживляющих своим видом однообразие тогдашней архитектуры и составляющих помимо научной ценности одну из существенных сторон привлекательности города. К тому же все доходы, получаемые от эксплуатации памятников древности, предлагалось целиком использовать на их

поддержание и реставрацию².

Думается, что и сегодняшние читатели (и специалисты) не усомнятся в жизненности и объективной потребности мер, предлагавшихся более 90 лет тому назад для совершенствования градостроительства и превращения архитектуры в искусство, придающее городскому облику современную художественную форму.

Здесь следует выделить еще одно правило-постулат, сложившееся в новое советское время: «Архитектуру нового общества можно мыслить только в диалектическом единстве с техникой и с действительным требованием быстро меняющегося времени. Там, где техника заявляет о себе как об архитектурном сооружении, она требует лишь ей присущей формы выражения, зависимой от логичности и целесообразности ее применения. То есть архитектор должен творить художественную форму так, чтобы она отвечала месту, времени и духу (идее) той вещи, для которой она творится» [3].

Если эти два постулата прочитать как единое целое, то мы увидим, что в сущности своей уже в начале 1920 г. речь велась о формировании ряда законов, необходимых для организации художественного городского пространства и такого определяющего из них, как закон художественной необходимости. Подчеркивалось, что для решения архитектурно-градостроительных проблем советских городов и поселков чрезвычайно полезной была бы разработка таких проблем, как соотношение пространственных положений и архитектурных масс, пропорциональной художественной зависимости объемов, художественного восприятия городской пространственной среды, выражения психологического воздействия архитектурно-художественных масс и форм и т. п. Это в итоге позволило бы художественно строить здания, рассматривая их не как

отдельный элемент, а как одно из звеньев, составляющих вместе с другими, ему подобными, один общий архитектурный организм, который, в свою очередь, воплощает в себе идею общего сооружения и архитектурно-пространственную его идею.

Центром разработки теоретических концепций новой советской архитектуры стали Московский институт ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт), архитектурное объединение АСНОВА (Ассоциация новых архитекторов), ОСА (Объединение современных архитекторов) и АРУ (Ассоциация революционных урбанистов).

А строить было надо... Говоря о после-революционном Витебске, следует особо подчеркнуть, что в начале 1920-х годов здесь, как ни в одном другом городе Белоруссии, фиксируется небывало высокий подъем художественной активности: в 1918 г. открываются Витебская народная консерватория и Витебский губернский музей, в 1919 г. – театр революционной сатиры (известен в истории художественной культуры как Витебский Теревсат. – А. Р., Ю. Р.), в марте 1920 г. открывается художественная школа, носившая название художественно-практический институт (УНОВИС), в котором преподавателями работали создатель (учредитель) теории нового искусства К. Малевич и его сподвижники Э. Лисицкий, М. Лебедев, Я. Тильберг, А. Бразер, Д. Якерсон, М. Керзин и др. Силами УНОВИСа и при поддержке городских властей в 1919–1920 гг. на улицах города были установлены памятники К. Марксу (скульптор К. Залите), Песталоцци (скульптор А. Бразер), а у Дворца труда – бюст К. Марксу (скульптор А. Матвеев). В манере кубизма были выполнены бюсты К. Марксу и К. Либкнехту (скульптор Д. Якерсон). В оформительских работах наиболее активное участие принимали представители «левого фронта» искусства М. Шагал, К. Малевич, Э. Лисицкий и их ученики. Авангардные творческие искания (заметим, что именно в Витебске в 1919–1920 гг. Эль Лисицкий разработал свой первый проект «проуна» – проект утверждения нового) – это, по сути своей, «лабораторный период» конструктивизма в русском искусстве 1920-х годов.

---

² Приведем конкретный пример из жизни губернского Витебска. 7 марта 1924 г. Витебским ГубОНО было принято поста-новление, предписывающее следующее: «1) Ремонт, реставрация, переделка, ломка и использование памятников зодчества ... могут проводиться не иначе, как по предварительному разрешению Витебского губернского отдела народного образования (подотдел музей), который в надлежащих случаях спрашивает на это Главмузей наркомпроса... 2) Под угрозой строгой ответственности воспрещается кому бы то ни было без особого открытого листа, выдаваемого Главмузеем, производить раскопки и вообще действия, разрушающие целостность археологических памятников: курганов, городищ, стоянок перво-бытного человека...».

В 1923–1928 гг. в Витебске, Полоцке и Орше были созданы филиалы первой белорусской писательской организации «Молодняк», которые стали колыбелью художественной литературы Витебщины. Свою лепту в развитие творческой активности жителей региона вносят открытые в середине 1920-х гг. областная библиотека и второй Белорусский государственный театр (ныне Национальный академический драматический театр имени Я. Коласа) и т. д.

Однако, и в первой, и во второй половине 1920-х годов на Витебщине не было профессионально подготовленных кадров для решения масштабных архитектурно-градостроительных задач. Но начинающие специалисты, и губернские, и те, кто работал в проектных организациях белорусской столицы – г. Минска, на наш взгляд, были в курсе дискуссий о путях развития новой советской архитектуры, которые велись в Москве в 1920-е годы.

К восстановлению, реконструкции и развитию своих городов и сел трудящиеся Витебщины смогли приступить только в середине 1920-х годов. И, конечно же, в первую очередь речь шла о наращивании объемов производства и восстановлении неработающих промышленных предприятий (к примеру, уже в 1924 г. вступил в строй действующих кожевенный завод в Витебске).

Медленно, но все же велось и восстановление разрушенных жилых домов, в ряде мест приступили к строительству нового жилья.

Жилищное строительство концентрировалось главным образом в рабочих поселках при промышленных предприятиях и узловых станциях железнодорожного транспорта, где возводились деревянные одноэтажные дома надвее–четыре квартиры, по 2–3 комнаты каждая, и велось индивидуальное жилищное строительство усадебного типа. При этом проектная документация часто была самодельной и недоброкачественной, что вело к высокой стоимости строительства.

Только во второй половине 1920-х годов в связи с укреплением экономики республики в кооперативном строительстве начали применяться типовые проекты двух-, трехэтажных домов с разным набором квартир. К этому времени и в Белоруссии стали обязательными «Правила рас планирования и

застройки городов», принятые Советским правительством в марте 1925 г. Как свидетельствуют материалы тех лет, в 1921–1926 гг. жилой фонд городов увеличивался лишь за счет кооперативов, товариществ и индивидуальных застройщиков. К примеру, из 259 построенных и достроенных домов в 1923–1926 гг. в г. Витебске частных домов строений было 235, или 90,15%.

Государство помогало кооперативам денежными кредитами и строительными материалами. При этом все жилищное строительство на Витебщине (как и в БССР) концентрировалось главным образом в городах или в рабочих поселках при строящихся промышленных предприятиях.

Однако работа по развитию кооперативов велась не ахти как успешно. В подтверждение приведем лишь следующий пример. IV пленум Витебского окрпрофсовета, состоявшийся 30 января 1927 г., обращаясь в партийные и советские органы и к профсоюзным организациям промышленных предприятий Витебска, Орши, Полоцка, Лепеля, с одной стороны, просит помощи для усиления работы по вовлечению рабочих в жилищную кооперацию и, с другой, требует добиваться в плановом порядке постройки домов при предприятиях за счет хозорганов [4].

Подобные темпы строительных работ не обеспечивали роста городского населения, сдерживая тем самым развитие промышленной индустрии. По состоянию на 1 июля 1925 г. население Витебска по сравнению с довоенным периодом сократилось со 103 тысяч до 92,1 тысяч человек; Полоцка – с 30,7 тысяч до 19,6 тысяч.

Понимая всю актуальность и значимость новых архитектурно-градостроительных задач, правительство Советской Белоруссии уделяло первоочередное внимание формированию кадрового корпуса архитекторов, проектировщиков, строителей.

В 1921 г. при Совнарком БССР был создан проектный отдел Комитета государственного строительства, который возглавил выпускник Петербургского университета С. С. Гайдукевич (1876–1937) (необоснованно репрессирован в 1937 г.). Кроме С. Гайдукевича в составе отдела работали архитекторы А. Денисов, П. Кирик, Н. Максимов, Г. Ханин. Специалисты отдела поддерживали тесные отношения с архитекторами Мо-

сквы, Петрограда, получая от них профессиональные советы и практическую помощь. К примеру, в 1926–1927 гг. специалисты отдела участвовали в разработке видным советским градостроителем профессором В. Семеновым и архитектором Н. Поляковым проектного предложения развития г. Орши (правда, в довоенные годы он будет несколько раз корректироваться и уточняться).

Однако вернемся к более общим проблемам послереволюционного развития градостроительства и архитектуры на Витебщине, в которых, на наш взгляд, выделяются три взаимосвязанных и взаимно дополняющих друг друга направления:

- развитие поселочного строительства;
- реконструкция и благоустройство крупных городов;
- проектирование и строительство конкретных объектов жилищного, гражданского и общественного назначения.

Уровень развития гражданского строительства по характеру и принципам застройки жилых территорий, их благоустройству, организации системы обслуживания делился на три группы:

1. Селитебные территории в периферийных частях города, где для строительства частным лицам выделялись участки площадью 1500–1600 квадратных метров. В большинстве случаев здесь возводились одно- или двухквартирные деревянные дома. При застройке улиц применялись два приема постановки зданий: в первом случае дома вдоль красной линии; во втором – с отступлением от нее и организацией перед домом палисадника. Примером такой застройки на Витебщине может быть поселок рабочих и служащих железнодорожного узла в Орше. Этот вид жилищного строительства в формирующейся экономике Витебщины (и БССР – А. Р, Ю. Р) был наиболее массовым и преобладал на протяжении всего довоенного периода. Недостатком такого строительства была низкая плотность застройки (120 человек на 1 га), что, в свою очередь, вело к разрастанию городов и затрудняло их благоустройство.

2. Поселки, организованно застраиваемые однотипными двух- и четырехквартирными жилыми домами за счет кооперативных товариществ. Как правило, возникали вблизи промышленных предприятий, и их застройка осуществлялась по заранее разработанным проектам. Здесь выделяются

поселок «Новый быт» в Витебске (строились четырехквартирные блокированные дома) и «Красный Оршанец» в Орше (строились двухквартирные дома).

3. Поселки, застроенные стандартными жилами домами кооперативным способом или за счет государства. В большинстве своем они возводились на свободной территории вблизи крупных промышленных предприятий и застраивались преимущественно двухэтажными домами на 4–12 квартир. Системой улиц поселки делились на прямоугольные кварталы, здания в них размещались параллельными рядами так, что дома торцами выходили к красной линии. Предусматривались относительно высокий уровень благоустройства и развитая сеть культурно-бытового обслуживания.

Первые изумруды. Наиболее показательным примером новых решений выступает поселок Осинстрой при Белорусской гидроэлектростанции (на базе деревни Орехи на Оршанщине), возведенный в 1927–1928 гг. где впервые проектировались квартиры, расположенные в двух этажах, связанных внутриквартирной лестницей, с размещением столовой, кухни и совмещенного санузла в первом, а двух спален – во втором этаже. К каждому плану жилого дома дополнительно разрабатывались варианты фасадов (рис. 2).

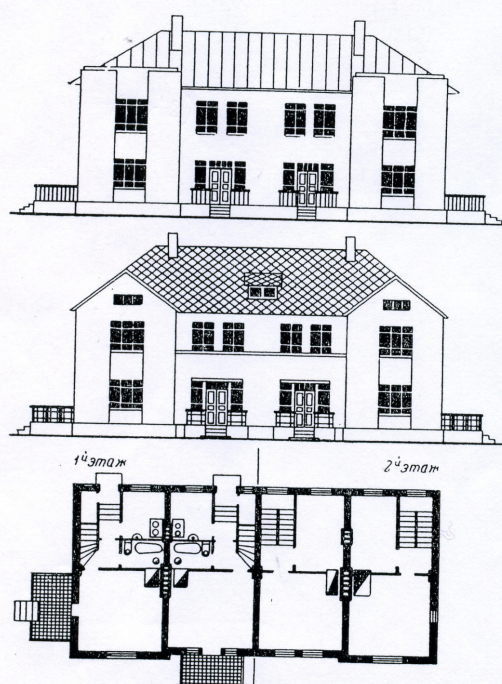

Рис. 2. Проект 2-этажного 4-квартирного жилого дома с квартирами в 2 этажа, с вариантами фасадов. Осинстрой, 1927 г.

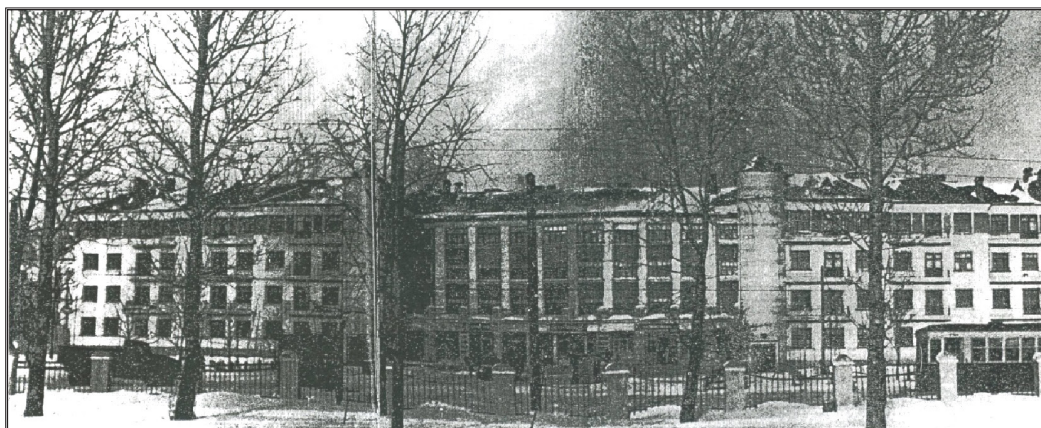

Рис. 3. Витебск. Жилой дом-коммуна по ул. Горького. Архитектор А. Вышелесский. 1927–1930 гг.

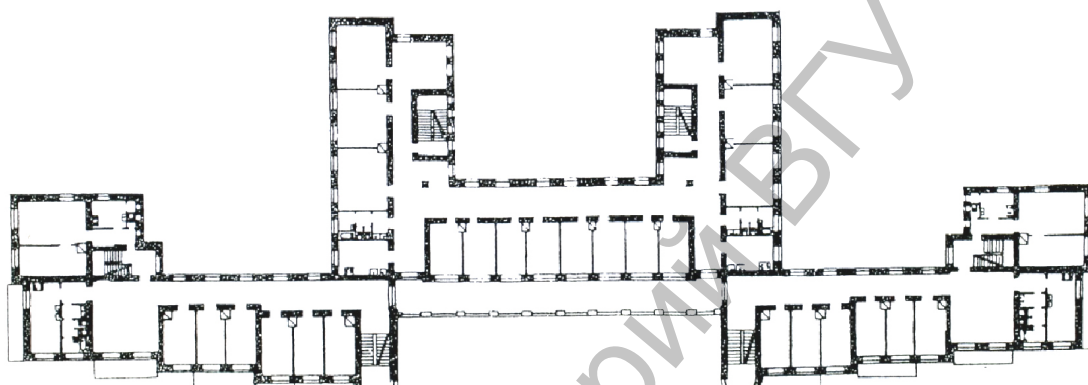

Рис. 4. План типового этажа жилого дома-коммуны по ул. Горького в Витебске. Архитектор А. Вышелесский. 1927–1930 гг.

Рис. 5. Витебск. 50-квартирный жилой Дом специалистов по ул. Доватора. Архитектор С. Презьма. 1932–1935 гг.

Поселок имел прямоугольную квартальную (до 2–2,5 га) планировку. Основное место отводилось трем группам трехэтажных четырехквартирных домов угловой композиции с приусадебными участками. Дома формировали застройку вдоль шоссе. Испытавшие влияние конструктивистского начала, жилые дома акцентированы в панораме ризалитами лестничных клеток с вертикальным остеклением и аттиками. Большие оконные проемы, протяженные и широкие балконы в домах, по задумке архитекторов,

реализовали идею слияния внутреннего и внешнего пространства (дома образовали прямоугольную сетку застройки, внутри которой находились объекты культурно-бытового обслуживания).

С помощью правительства БССР, выделившего дополнительные денежные средства, были построены школа, больница и амбулатория, магазины (размещались по красным линиям улиц), баня и прачечная, пожарное депо. Общественный центр включал просторный сквер, клуб с залом на 500 мест, четырехэтажное здание общежития – первого в Белоруссии, торговые предприятия. При строительстве поселка белорусскими архитекторами, осуществлявшими надзор за строительством, впервые был поставлен вопрос об архитектурно-художественном решении всего комплекса.

Впоследствии эта проблема, дополненная поисками такого типа дома, в котором функциональные процессы из жилой ячейки выносятся в специально предусмотренные общественные помещения, станет занимать архитекторов и проектировщиков все более

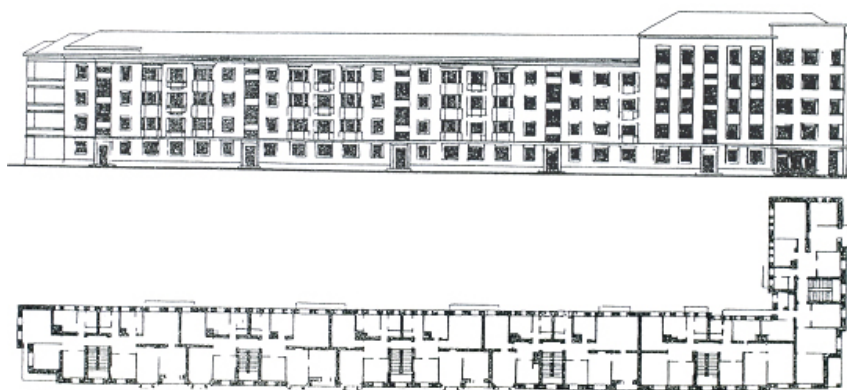

Рис. 6. Витебск. Фасад и план типового этажа 50-квартирного жилого Дома специалистов по ул. Доватора. Архитектор С. Презьма. 1932–1935 гг.

и более и в итоге на Витебщине найдет свое воплощение в реализации такого масштабного по своему размаху направления по изменению архитектурно-пространственного облика больших и малых поселений, как своеобразная триада «жилой район–жилой квартал–жилой комплекс». К примеру, в Витебске появляются такие типы зданий, как «Дом-коммуна» (архитектор А. Вышелесский, 1927–1930) (рис. 3–4), Дом специалистов (архитектор С. Презьма, 1932–1935) (рис. 5–6), Дома коммунального типа (архитектор В. Вуколов, 1929–1935) и др.

Поиски новых решений накладывались на типовое проектирование и строительство упрощенных (менее представительных!) двух-, трехэтажных домов с квартирами меньшей площади и уровня комфортности в районах промышленной застройки в Витебске, Орше, Полоцке, а также рабочих поселках на периферийных промышленных предприятиях (на том же Осинторфе под Оршей). Это направление в проектировании и строительстве было не просто решением жилищной проблемы (хотя в социальном плане она оставалась достаточно острой), это был период дальнейшего развития и уточнения нормативных и конструктивных положений в проектировании жилищного строительства в регионах Белоруссии.

Отметим, что одновременно с решением локальных архитектурно-строительных задач властные структуры активно работали над планами генеральной застройки городов Витебска, Орши, Полоцка, Лепеля, других населенных пунктов. И к началу 1941 г. такие планы были созданы: г. Орши

(под руководством известного советского архитектора П. Кириенко) в 1935 г., г. Витебска (руководитель авторского коллектива харьковский архитектор А. Касьянов) в 1939 г., г. Полоцка (с участием и под руководством известного архитектора И. Раппопорта) в 1939 г., г. Лепеля (руководитель группы разработчиков ленинградский архитектор М. Андросов) в 1940 г. и т. п.

Заключение. Подводя итог нашим рассуждениям, приходим к выводу: принятые в первые послевоенные годы решения партийной и советской власти, кропотливая и последовательная работа архитектурно-проектных и строительных организаций уже к концу 1930-х гг. привели к превращению архитектуры и градостроительства в один из главных факторов социального управления, оказывающих определяющее влияние на упорядочение пространственной организации городов и поселков Витебского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1954. – С. 427–428.
2. Голосов, И. А. Новые пути в архитектуре / И. А. Голосов. – ЦГАЛИ. – Фонд 1979. – Оп. 1. – Д. 18.
3. Известия. – 1926. – 15 окт.
4. Развитие социалистического соревнования в Белорусской ССР (1919–1941). Документы и материалы. – Минск, 1980. – С. 50.
5. Сборник указаний и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917–1918 гг. – № 25, 62.
6. Правда. – 1922. – 4 нояб.
7. Из истории советской архитектуры. 1926–1932. – М., 1970.
8. Витебский округ. Статистический справочник. – Витебск, 1928.
9. Шамрук, А. Архитектура Беларуси XX – начала XXI века / А. Шамрук. – Минск, 2007.

Поступила в редакцию 04.12.2012 г.